

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: «Семантика приставки полу- в поэзии А.С. Пушкина (на примере жанра эпиграммы)»

Исполнитель Ежов Роман Константинович

(фамилия, имя, отчество)

Руководитель кандидат филологических наук

(ученая степень, ученое звание)

Непоклонова Елена Олеговна

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой

(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент

(ученая степень, ученое звание)

Кипнес Людмила Владимировна

(фамилия, имя, отчество)

«5» июня 2023 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2023

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. Теоретические основы изучения семантики приставки полу-	
1.1. Статус форманта полу-/пол- в современной лингвистике.....	5
1.2. Семантика приставки полу- в диахроническом аспекте.....	14
ГЛАВА 2. ФУНКЦИИ ИМЕН С ПРИСТАВКОЙ ПОЛУ- В ЭПИГРАММАХ А.СПУШКИНА	
2.1. Общая характеристика жанра эпиграммы.....	23
2.2. Жанр эпиграммы в русской поэзии XVIII – первой половины XIXв.....	24
2.3. Жанр эпиграммы в поэзии А.С. Пушкина: разновидности, особенности поэтики.....	30
2.4. Семантика приставки полу- и функции имен с приставкой проу- в эпиграммах А.С. Пушкина.....	35
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	48
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	50

Введение

Семантика слова в системе художественного целого - проблема, поставленная в двадцатые годы в работах В.В.Виноградова, Б.А. Ларина, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, Г.О. Винокура и других известных исследователей. Вместе с тем в лингвопоэтике до сих пор наблюдается отсутствие четких методик целостного семантического анализа лингвистических единиц художественного текста. Данная проблематика обусловила актуальность нашего исследования, посвященного выявлению семантики препозитивного форманта ПОЛУ- в поэзии А.С. Пушкина.

Префиксоид полу- обладает большим деривационным и семантическим потенциалом в русском языке, который сохраняется на разных этапах его развития. Вместе с тем, семантике форманта ПОЛУ- не уделялось достаточно внимания в научных исследованиях.

Это связано с тем, что деривационные связи со словом «половина» создают иллюзию однозначности приставки ПОЛУ-, не требующей уточнений.

Актуальность нашего исследования связана с необходимостью всестороннего изучения данного форманта: вопросов формирования его семантики на разных этапах истории русского языка, выявления системы значений, особенностей функционирования в разных стилях устной и письменной речи, в частности, в русской поэзии. В нашей работе основное внимание уделено актуализации значений приставки ПОЛУ- в письменной речи и в поэзии первой половины XIX в.,

т.е. в период формирования норм литературно-письменного языка и активизации рефлексии русских писателей, направленной на семантику языковых средств, в частности, морфем.

Объектом исследования являются эпиграммы А.С. Пушкина.

Предмет исследования: система значений приставки ПОЛУ-, реализованная в эпиграммах А.С. Пушкина на фоне русской поэзии первой половины XIX в.

Цель работы – выявить семантический потенциал приставки ПОЛУ-, реализованный А.С. Пушкиным в жанре эпиграммы.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- изучить дискуссионные вопросы, касающиеся определения морфемного статуса форманта ПОЛУ;
- рассмотреть лексическую семантику приставки ПОЛУ- с учетом синхронического и диахронического аспектов анализа языковых единиц;
- составить корпус текстов русской поэзии, включающих слова с приставкой ПОЛУ-;
- изучить семантическое варьирование приставки ПОЛУ- в эпиграммах А.С. Пушкина;

сопоставить спектр значений приставки ПОЛУ- в поэзии А.С. Пушкина на фоне русской поэзии первой половины XIX в.

Методы научного исследования: в работе используются общенаучные методы анализа, синтеза, классифицирования, а также , сравнительно-исторический, типологический, статистический и корпусные методы исследования.

В ходе исследования **методологической и теоретической базой** послужили работы, посвященные вопросам лингвопоэтики В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, В. Тюпы и других авторов.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы, состоящего из 60 источников.

В первой главе рассматриваются теоретические основы изучения форманта ПОЛУ- в контексте синхронно-диахронические исследования лексико-грамматической системы русского языка. Во

второй главе проводится анализ семантики приставки ПОЛУ- в эпиграммах А.С. Пушкина в контексте всей поэтической системы поэта, а также в контексте русской поэзии первой половины XIX в.

Глава I. Теоретические основы изучения семантики приставки полу-

1.1. Статус форманта полу-/пол- в современной лингвистике.

В настоящее время в лингвистической науке нет однозначного единого мнения по поводу вопроса о трактовке начального элемента *полу-* в словах. В научной литературе для определения данного форманта используются такие термины, как *препозитивная морфема*, *префиксоид*, *полупрефикс*, *словоэлемент*, *субпрефикс* и др.

Между тем, уже в XIX в. ученые ставили вопрос о природе данной морфемы. Так, некоторые исследователи предлагали рассматривать формант *пол-*, *полу-* в качестве «корня-морфемы» (такова была позиция Н.Б. Востокова, Н.Л. Рязенцева), другие ученые настаивали на том, что компонент *пол-*, *полу-* имеет префиксальный характер (В.Г. Григорьев). Так, например, В.Г. Григорьев предложил разделить слова с компонентом *полу-/пол-* на две группы:

- 1) сложные образования (слова, в которых компонент *полу-/пол-* не утрачивает связи со словосочетаниями «половина+сущ.»);
- 2) слова с префиксом *полу-/пол* [1].

В современной лингвистической науке в настоящее время господствует точка зрения, согласно которой морфема *пол-* (*полу-*) должна квалифицироваться как морфема переходного типа или аффиксоид.

Феномен аффиксоидов как переходного явления в языке давно исследуется в лингвистической науке. Это в первую очередь исследования Н.М. Панского, В.В. Головина, В.Н. Немченко, Н.М. Шанского, В.В. Лопатина, М.Д. Степановой, Э.Л. Григоряна, Н.А. Николиной и др.

Однако, несмотря на длительную историю изучения данных морфем, до сих пор нет устоявшегося мнения как об их статусе в системе прочих значимых частей слова, так и о возможностях их типизации.

Обратившись к словарям разных типов, мы обнаружили, что описание многих морфем, по тем или иным параметрам подходящих под определение

«аффиксоид», не совпадает даже в академических толковых словарях.

Так, в ряде толковых словарей препозитивные морфемы квалифицируются как первые части сложных слов. Вместе с тем в ряде толковых словарей (Большой академический словарь, Малый академический словарь и др.) препозитивные морфемы квалифицируются как первые части сложных слов, т. е., по сути, префиксоиды.

Сопоставление словарных статей указанных словарей показал, что толкования компонента пол- в Большом академическом словаре и в Малом академическом словаре практически полностью совпадают.

(Приведем пример из Малого академического словаря: ПОЛУ-/ ПОЛ-: «Первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению: 1) слову половина (полвоза, полдеревни); 2) слову половина с добавочным смысловым оттенком: значительная часть чего-л. (полжизни, полсвета) и др.).

Словарное определение «первая часть сложных слов» носит, скорее, формальный, слишком абстрактный характер (поскольку такое определение может относиться к таким языковым явлениям, как связанные корни, компоненты сложения, препозитивные морфемы, префиксы, полупрефиксы, аффиксы и др.), в отличие от определения «префикс», прямо называющего морфемный статус.

Вместе с тем, словари предпочитают обобщенное определение «первая часть сложных слов», по причине неоднозначности статуса компонента полу-/пол- в современной лингвистике. Неоднозначны до сих пор сами критерии выделения корня, префикса и префиксоида.

Так, например, говоря о значении корневой морфемы, Н.М. Шанский предлагает относить к корневым морфемам непрямые основы, являющиеся основным элементом, который мотивирует значение слова [8]. Не менее важна позиция другого исследователя, В.Н. Немченко, который дополняет рассуждение Н.М. Шанского, указывая на критерий повторяемости корневой морфемы в составе всех родственных слов,

образующих словообразовательное гнездо; кроме того данный исследователь вводит критерий незакрепленного места в слове, отмечая, что корневая морфема должна номинировать фрагмент реальной действительности [3].

Если обратиться к «Русской грамматике – 80», то можно обнаружить добавление, что «корневой морф может полностью совпадать с основой». Описывая специфику префиксов и выделяя их основные особенности, исследователи обычно выделяют их деривационные возможности, а именно способность образовывать слова в качестве одиночно выступающей морфемы, а также «более узкий, чем у суффиксов, диапазон действия» [8, с.100].

Помимо того, что префикс, как отмечается во многих исследованиях, непременно должен выражать лексико-грамматическое значение, он также «может иметь побочное ударение» [3, с. 21].

Существует также множество спорных вопросов, которые связаны с выделением групп аффиксоидов в современном русском языке, а также с определением критериев статуса аффиксоида. Так, например, известный исследователь Н.С. Гриценко в статье «Семантика аффиксоидов в современном русском языке» настаивает на первостепенности семантического критерия, замечая, что для определения статуса аффиксоидов нужно использовать критерий «семантического развертывания в мотивирующее словосочетание» [11]. В случаях, если такое развертывание затруднено, а лексическое значение части сложного слова не совпадает с лексическим значением компонента мотивирующего словосочетания, можно, по мнению исследователей, говорить об аффиксоидах [11].

Нам представляется наиболее убедительной позиция Н.М. Шанского, определяющего аффиксоиды как «компоненты сложного слова, функционально тождественные словообразовательным аффиксам» [48, 115]. Аффиксоиды, по мнению Н.М. Шанского, востребованы во все эпохи,

поскольку наличие аффиксоидов ускоряет процесс появления сложных слов, необходимых для обозначения новых реалий.

В то же время следует отметить, что аффиксоиды не просто участвуют в образовании слов, обозначающих новые понятия и заменяющих словосочетания, но называющих уже известные явления.

Для нашего исследования важны замечания, обнаруженные в работах М.Д. Степановой, которая отмечает, что аффиксоиды обладают уникальным, присущим только им свойством: это способность к потере полнозначной семантики, затухание связи с соответствующим корнем. Это явление М.Д. Степанова называет «семантическим побледнением» [27]. При исследовании семантики компонента ПОЛУ- данные наблюдения крайне важны, поскольку позволяют выявить процесс и результаты «семантического побледнения» корня, повлиявшие на формирование лексического значения слов с компонентом ПОЛУ-.

В «Русской грамматике – 80» аффиксоидам уделено достаточно внимания. Они определяются как «связанные опорные компоненты сложения». Многие исследователи, например, А.Н. Тихонов подчеркивает, что «аффиксоиды – это морфемы переходного типа. Они аффиксоподобны, но не тождественны ни аффиксам, ни корням» [32, 673].

Близка положениям А.Н. Тихонова позиция В.В. Лопатина, называющего аффиксоидом «компонент сложного или сложносокращенного слова, повторяющийся в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции к аффиксу...» [24].

В нашей работе мы будем придерживаться позиции многих исследователей относительно процессов деривации, которые считают аффиксоидами такие словообразовательные части слов, которые занимают промежуточное положение между корневыми и аффиксальными морфемами. А префиксоидами мы будем считать корневые морфемы, употребляющиеся в функции префиксов.

Как отмечают многие исследователи, способность или неспособность той

или иной морфемы выступать в современном русском языке как в качестве служебной, так и корневой, является основным показателем разграничения аффиксоидов и аффиксов.

Рассмотрев основные подходы исследователей к различным начальным компонентам сложных слов, можно сделать следующие выводы:

- 1) статус морфем пол-, полу- в настоящее время в науке остается неоднозначным. Их можно рассматривать как корневые в тех словах, опорный компонент которых обозначает денотат, способный делиться на две половины: пол- (полчаса, полгода, полдороги, полсотни, полпути, полвека, полдня, полжизни, полминуты, полнеба, полдела). Чаще всего опорный компонент в таких случаях является именем существительным. При этом следует обратить внимание на тот факт, что в составе глаголов, наречий, существительных с абстрактным значением, качественных прилагательных выступает морфема полу-, выполняющая функцию префикса: полу- (полувзгляд, полуулыбка, полумесяц, получеловек, полуботинки; полулежать, полунаучный).
- 2) Особенности в словообразовании лексем с пол-, полу- обусловлены семантическим статусом морфемы: корневая или аффиксальная в зависимости от значения.
- 3) Среди разных значений пол- значение «половины» является основным.

Рассмотрим данные словарей, дающих толкования «половины».

В Словаре русского языка XI–XVII вв под редакцией С.Г. Бархударова можно найти такое определение:

*ПОЛЬ, м. и ж.

1. Одна из двух частей чего-либо (иногда неравных); половина. 2. Одна из сторон чего-либо, берег. 3. Середина чего-либо.

В Словаре русского языка С.И. Ожегова, под ред. Н.Ю. Шведовой, дается такое определение:

ПОЛОВИНА, -ы, ж.

1. Одна из двух равных частей, вместе составляющих целое. 2. Середина какого-нибудь расстояния, промежутка времени. 3. Отдельная часть помещения (устар.).

В Этимологическом словаре русского языка Г.П. Цыганенко даются такие комментарии:

ПОЛ («половина»). Древнерусское ПОЛЪ «половина, одна из двух частей целого» достигает праслов. * роѡ из * rolu ... В ней короткий ѡ сменился на ѣ. Итак, мы имеем языковой знак пол, основное значение которого – значение половины, другими словами – «одна вторая равная доля чего-либо».

Сопоставив толкование анализируемой морфемы в разных словарях, можно обнаружить некоторые расхождения в определении значений компонента ПОЛ-/ПОЛУ-. Наблюдается общее во всех словарях определение данных компонентов как первой части сложных, тем самым то косвенно постулируется их корневой характер.

При этом анализ данных словарей показывает, что во всех словарях фиксируется многозначность морфемы пол-/полу- как в современном русском языке, так и на более ранних этапах: в тех случаях, когда компонент пол- сохраняет значение «половина» или «середина» (полведра, полгорода, полгруши, полжизни), эта морфема, по мнению всех авторов, является корневой, поскольку остаются генетические смысловые связи с первоначальным древнерусским словом *ПОЛЪ. Однако, если компонент пол-/полу- теряет первоначальное значение и в результате подвергается абстрагированию, следует утверждать, что данная морфема тяготеет к префиксу (*ср.: полдень, полунощный – полумрак, полутьна*). В таких случаях признаки корневой морфемы частично утрачиваются. Именно такого взгляда на компонент пол-/полу- мы будем придерживаться в нашем исследовании:

морфема пол-, с одной стороны, сохраняет статус корневой, не теряя

смысловой связи с исходным словом *ПОЛЬ, однако, с другой стороны, подвергается процессу преобразования, приобретая признаки префикса (аффиксоида).

Часть пол-/полу-, присоединяемая только к существительному, выражает управление N1 + N2 («половина чего-либо»), и нужно обратить внимание на тот факт, что появившееся производное может употребляться только в нескольких падежах - в именительном и винительном падежах ед. ч. (лежит пол-яблока, съесть пол-яблока). В приведенных случаях пол-/полу- является усеченной основой существительного «половина». В данном случае слова с этой частью вероятно, следует трактовать как сращения, лексикализованные словосочетания, в которых синтаксически основной является основа пол-, между тем как вторая основа с «застывшим» окончанием родительного падежа уже не имеет грамматическую самостоятельность.

В процессе согласования этих сращений в нужном падеже (кроме именительного и винительного) говорящий должен реконструировать всю синтагму (нет половины яблока, говорить о половине яблока и т. д.). Таким образом, имена существительные (пол-яблока, полдома) образованы путем сложения (второй компонент – форма родительного падежа), главным словообразовательным средством этих форм является флексия. Данный способ является продуктивным, поскольку практически все имена существительные, которые обозначают предмет или явление, способные делиться на половины или примерно равные части, могут быть образованы данным способом.

Слова *полдень*, *полночь* содержат этимологически ту же часть полу-, но усеченную в именительном и винительном падежах, видимо, в результате деэтимологизации. Об этом явно свидетельствуют оставшиеся формы падежей (а также и сама полнота падежной парадигмы) и производные прилагательные *полуденный*, *полуночный* (*полнощный* в русской поэзии)

Слово *полтора* содержит т.н. нулевую реликтовую флексию, материально представленную в косвенных падежах -у (не случайно ее часто

называют термином «интерфикс», или «флексоид», некоторые исследователи предлагают также термин «постфиксоид»).

Кроме того, следует обратить внимание на морфему полу-, которую обычно рассматривают как тождественную элементу пол-. Между тем, в лингвистической литературе одни исследователи традиционно относят пол-/полу- к одной морфеме (В. Черепанов, А. Теленкова), другие – к вариантам (П. Рогозникова).

Однако нам близка позиция исследователей, которые отмечают, что, с диахронической точки зрения, пол-, полу-, несомненно, родственные морфемы, но при этом на данном этапе развития их предпочтительнее рассматривать как две самостоятельные, но при этом имеющие разную семантику, или же - как варианты одной морфемы, в случае, если возможно утверждать, что значения их тождественны.

Безусловным подтверждением семантического различия данных морфем служит тот факт, что даже в том случае, когда пол-, полу- присоединяются к одной и той же единице, сохраняются различия в значении (ср.: *полуботинки* и *полботинка*, *полужверь* и *ползверя*).

В образованиях типа *полночь* и *полуночь*, *полдень* и *полудень* морфемы пол-, лишь частично можно считать тождественными по своей семантике (обозначают «половину» или «середину» денотата, названного опорным компонентом сложения), из чего следует, что они являются вариантами одной корневой морфемы.

Однако данное тождество часто подвергается сомнениям исследователей. Это связано с тем, что слова с частью полу- обладают полной парадигмой падежных и числовых форм, а значит - изменяются как обычные префиксальные слова (или сложения с первым несамостоятельным компонентом). Часть полу- обнаруживает себя действительно как префиксоид, не меняя морфологических свойств базовой основы: *полуботинки*, *полумрак*, *полувагон*, *полунамек*, *полушарие*, *полусвет*, *полутакт*, *полуфабрикат*, *полушубок*, *полукруг*.

Морфологический способ образования слов с полу- представлен преимущественно префиксальным способом. Определение данного способа в словах связано с целым рядом трудностей, поскольку здесь, по-видимому, следует учитывать, что те слова, в которых полу- утратило значение «половины» и приобрело различные оттенки качественного значения, образованы префиксальным способом, являющимся достаточно продуктивным в современном русском языке: *полувзгляд*, *полуулыбка*, *полусырье* (ср.: в сложениях типа полдень, полукруг компонент полу- имеет значение «половины» или «середины»).

В образованиях имен прилагательных полу- имеет оттенки качественного значения «почти», «не совсем», «подобный», «не вполне», т. е. является префиксом: *полунаучный*, *полухрустальный*, *полубархатный*, *полушерстяной*, *полузимний*, *полузимний*.

Морфема пол- часто встречается с косвенным падежом полу- (в просторечии пол- неизменно), при этом морфема пол- требует родительного падежа, а косвенный падеж полу- является согласуемой морфемой (полдня потратить на поиски; ср. около полудня). Между тем, пол- и полу- постепенно превращаются в неизменяемую первую часть составных слов со значением «половины» или «середины» чего-нибудь: полукруг, полуоборот, полдень, полночь и т. п. С исторической, диахронической, словообразовательной точки зрения такие слова следует рассматривать как образованные лексико-синтаксическим способом.

Следует отметить, что компонент *полу-* достаточно продуктивен не только в литературном языке, но и в различных говорах, например, ярославских, ростовских говорах, что позволяет утверждать достаточно древнее его происхождение.

В нашей работе представляется необходимым рассмотрение семантики компонента *полу-* в русском языке, а также степени активности анализируемого префиксоида в разные исторические периоды развития языка.

1.2. Семантика приставки полу- в диахроническом аспекте.

Вопросы, касающиеся диахронического рассмотрения лингвистической семантики, всегда вызывали интерес исследователей. «Изменения смысловой структуры слова, вызванные языковыми и внеязыковыми факторами развития языка» [7, с. 4], требуют рассмотрения лексической семантики на временной оси русского языка, то есть с учетом синхронического и диахронического аспектов анализа языковых единиц. Анализ словарей показывает, что настоящее время словари русского языка фиксируют не менее двухсот лексических единиц с начальным компонентом *полу-*.

При этом очевиден тот факт, что семантика компонента *полу-* в составе этого корпуса слов имеет различное значение, обусловленное разными причинами: как семантикой корня, так и морфемной структурой слова.

Современные словари русского языка фиксируют, как правило, три значения, которые вносит в сложные слова первая часть *полу-*:

- 1) половина того, что обозначено второй частью;
- 2) совместно с чем-либо другим’;
- 3) не совсем, не до конца, почти [1, 531-573]. Однако обращение к словарям древнерусского языка обнаруживает несоответствие в количестве и объеме значений у префиксоида *полу-* в XI–XVII вв. Так, согласно словарям древнерусского языка, можно выделить следующие значения:
  - 1) «точная или приблизительная половина чего-либо, преимущественно единиц измерения, единиц обложения, денежных единиц (*полуаршинный, полупяденный*)»;
  - 2) «середина чего-либо (как правило, имеется в виду временная или пространственная протяженность» (*полдень, полуденница*);
  - 3) «незначительность размеров чего-либо, сокращенность, усредненность» (*полушубок, полукафтан*);
  - 4) «неполнота образования целого, неполнота цикличности,

незавершенность перехода в другое состояние» (полумесяц);

5) «подобие при более низком качестве, меньших размерах, сниженной интенсивности проявления каких-либо свойств, качеств, более простом устройстве чего-либо» (*полубархат*);

6) «лицо, занимающее второе место после главного в таблице о рангах, в сословной иерархии, наделенное в соответствии с этим определенными полномочиями и правами» [17, 259].

Так, Лексемы, представленные в Словаре русского языка XI–XVII в., можно разделить на 6 групп, в зависимости от выделенных семантических компонентов:

1) *полуаршинный, полубочек, полуведерник, полувирье, полуворота, полувытное, полугривенный, полуденежный, полузобение, полукадие, полукбелие, полулавка, полумерье, полунива, полуполтинник, полупудный, полупудовый, полусаженный, полуспудие;*

2) *полугодие, полуденье, полужорный, полуночь, полусорочкины;*

3) *полубеременная (бочка), полуимя, полукафтан, полумантия, полупика, полусловица, полутелогрейка, полушуба;*

4) *полугнити, полумесяц, полумертвый, полусмерть;*

5) *полуалександрия, полуанглинский, полуатлас, полуатласье, полубадана, полубайдана, полубаданье, полубарбарель, полубрак, полубрюкиш, полубусье, полувешнячье, полуглас, полуголенки, полузатинный, полузвательный, полукамка, полукармазин, полукисея, полукрупитчатый, полуключье, полуковерье, полукодолье, полулец, полумиска, полумиткальный, полуприбойный, полуполный, полурыбник, полусайка, полусиний, полусенчатый, полусловица, полустопье, полуустав, получистый, полуучастковый, получеканный, полушарлат, полушелковица;*

6) *полубоярин, полуголова, полудвоеженец, полумастер, полуполковник и другие.*

Таким образом, в древнерусском языке, по данным словарей, наблюдается разветвленная детализация и конкретизация значений префиксоида *полу-*, сохраняющаяся вплоть до эпохи Петровских преобразований.

Рассматривая динамику лексических изменений данного компонента, очевидной становится уменьшение количества оттенков значений.

Деривация отмечается среди именных частей речи. При этом наблюдается преобладание суффиксальной аффиксации, довольно традиционной для русского языка с точки зрения словообразовательных моделей.

Среди более 250 слов, к которым в указанный период присоединяется префиксоид *полу-*, преобладают существительные (около 68 %), также представлены прилагательные (около 30 %), глаголы (2 %). Основным семантическим компонентом является значение префиксоида *полу-* «точная или приблизительная половина единицы измерения».

Большое количество слов с компонентом *полу-* в значении «приблизительно половина» в древнерусском языке связана с длительным периодом господства антропометрии, что помогает уточнить некоторые фрагменты древнерусской языковой картины мира того периода, когда еще не были приняты международные единицы измерения. Кроме того, семантические компоненты «указание на более низкое качество», «указание на меньший размер» свидетельствуют о не менее важных признаковых характеристиках в отражении явлений действительности.

Среди древнерусских лексем с компонентом *полу-* в значении «половина» или «приблизительно половина» преобладали названия единиц меры (ср.: *полубочка, полумех, полуосмина, полушестина* и др.), одежды (*полукафтан, полутелогрейка, полушуба* и др.), материалов/ткани (*полуаксамит, полубайка, полубархат* и др.), оружия (*полупика, полупистоля*). В Петровскую эпоху отмечаются названия транспорта, в том числе судов (*полукаторгина, полукаторжье, полубарка, полукорабелье,*

полукарета). Также слова с префиксоидом полу- обозначали и многообразные предметы быта, имеющие небольшой размер (*полуключье, полумиска*). Достаточно редко встречались собирательные существительные (*полуказачье, полузвательство*).

Исследователи неоднократно обращали внимание на присутствовавшие в древнерусском языке оригинальные с точки зрения лексической семантики, случаи образования слов с полу-, например, прилагательное *полутроебрачный* (значение: «о мужчине, вступающем во второй брак с вдовой» – включает в морфемную структуру 2 компонента с числовым значением (полу-, трое): «И того прошлаго 183-го году Коломны и Коломенскаго уезду отроков и новоявленных... и двоебрачных, и полутроебрачных, и троебрачных...» (орфография упрощена) [17, с. 274].

Таким образом, в древнерусском языке словообразовательная модель с префиксоидом полу- была продуктивна, однако большой объем лексем после Петровской эпохи начинает постепенно исчезать из языка. Так, из списка, представленного выше, мы не найдем около двух третей слов в современном русском языке.

Сохранившиеся слова с полу- сохраняют первоначальную семантику половины чего-либо, преимущественно единиц измерения (*полуведерный, полуаршинный*), а также значение середины чего-либо, имеющее определенную временную или пространственную протяженность: например, *полугодие* (производные: *полугодичный, полугодовалый, полугодовой*), *полугодок, полуденный, полуночный, полuveковой* и др. Разумеется, первыми исчезли многочисленные наименования единиц меры, многие названия устаревших видов одежды, материалов, наименования лиц, наделенных определенными полномочиями и правами. Так, при исчезновении многих наименований одежды и обуви (исключение составляет слово *полушубок*) с элементом полу- наблюдается появление многих других слов, отражающих моду и вкус эпохи: например,

полупальто, полушалок, полуботинки, полуперчатки, полусапожки; ср. в XVIII–XIX вв. – полуфрак.

В XIX–XX в. наблюдается рост новых слов, называющих различные признаковые характеристики людей, предметов, явлений из разных сфер жизни человека: *полубольной, полуголодный, полуголый, полудетский, полуглухой, полудеревенский, полугородской, полудрагоценный, полувоздушный* и другие. Многие из лексем с префиксоидом полу- появлялись вслед за реалиями той или иной эпохи. Например, в середине 60-х годов XX века в связи с развитием науки, промышленности, культуры входят в активное употребление такие слова, как *полугусеничный, полуглиссер, полупромышленный, полусинтетический, полуфиналист* [12, 358-359].

Причем, в XX в. на первый план выходят прилагательные, образованные с помощью компонента полу- (например: *полудокументальный, полудетективный, полуинтуитивный*), указывающие на признаки новых явлений. Также в современном русском языке значительно увеличилось количество различных по семантике глаголов с префиксоидом полу-: в древнерусском языке было не больше 2 %, в настоящее время – 18 % (с учетом видовых коррелятов) от общего количество проанализированных нами слов (*полудрепать, полузадушить, полужакрывать, полужаносить, полужасыпать, полужатопить, полужатонуть, полужежать, полужобгореть, полужобвалиться, полужобняться, полужослеплять, полужоторвать, полужразбить* и др.).

Также характерно, что в XX в. от глаголов с префиксоидом полу- в русском языке стали образовываться причастия: например, *полужразвалившийся, полужзабытый, полужобгоревший, полужослепший, полужзаправленный* и др.

Не менее показательна активность префиксоида полу- в современном разговорно-жаргонными срезе, например, такие слова, как: *полуждух,*

полуось, полупокер, полупчелка, полупарие. В большинстве из них сохраняются значения префиксоида 'середина' (полудух – 'солдат, прослуживший более одного года службы, но не переведенный в другую воинскую касту за дурное поведение' («ср.: У нас был тут один, полудух, прогибался везде, где мог»)), 'подобие' (*полуось, полумух, полупчелка* – 'операционная система OS/2', 'половина' (*полупарие* – 'половина академической пары в вузе') [2, 417; 10, 635].

Следует отметить, что при преобладающем совпадении в выделении и описании лексического значения префиксоида полу- в словарях древнерусского и современного русского языка, отмечаются и колебания составителей словарей в распределении лексем в соответствии с тем или иным компонентом значения.

Так, например, можно обнаружить в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под редакцией Н. Ю. Шведовой отдельно выделяемое значение префиксоида полу-, не выделяемый другими словарями: «с признаками двух разных свойств или пород» (*полукочевник, полушерстяной*) [22, с. 690-692].

Таким образом, обобщая результаты наблюдений, следует отметить очевидную устойчивость префиксоида полу-, его значительный деривационный потенциал. Так, с помощью префиксоида полу- часто образуются:

1) от существительных с элементом полу- образуются прилагательные (полуавтоматический, полубредовый, полувальный, полуподвальный, полуостровной, полукустарниковый, полувековой, полудремотный, полупроводниковый, полупустынный, полуротный, полусонный, полусферический, полуфинальный и др.);

2) встречаются случаи образования существительных с префиксоидом полу- от существительных (полузащитник, полукустарничек (спец.), полуинтеллигентность);

3) также образуются существительные от прилагательных с элементом полу- (полудикарь, полузабытье, полукочевник, полутемнота и др.). Следует отметить, что иногда прилагательное с префиксоидом полу- в русском языке не обнаруживают соотношения с аналогичным существительным (например, *государство* – *государственный*, *полугосударство* – *полугосударственный*), например: безработный – безработица, но для образования *полубезработный* обнаруживается лексическая «лакуна»; если от *воздух* – образуется *воздушный*, то невозможно обнаружить соотносимое с прилагательным *полувоздушный* существительное.

В целом, говоря о процессах развития слов с префиксоидом полу-, можно наблюдать постепенное исчезновение отдельных лексем и одновременно появление в языке новых слов. Так, при сравнении с языком периода XI–XVII в. становится невозможным включение в словари современного русского языка таких компонентов значения, как:

1) «небольшой размер» (сохраняются только единичные лексемы например, *полубарка*, *полубаркас*);

2) «лицо, занимающее второе место после главного в таблице о рангах, в сословной иерархии, наделенное в соответствии с этим определенными полномочиями и правами» (в связи с исчезновением соответствующих реалий, в современном русском языке не осталось слов с наличием в значении указанной семы). Между тем, в русских говорах сохраняются многие значения префиксоида полу-, которые были актуальны в древнерусском языке.

В результате анализа данных словарей, можно сделать следующие выводы. В современном русском языке есть более 150 слов с приставкой "полу-" сохраняют первоначальную семантику «половины чего-либо», особенно единиц измерения. Некоторые из этих слов отмечаются с древнерусского периода, так как модель образования слов с префиксом "полу-" была продуктивной. Они также могут обозначать «середину чего-либо» с определенной временной или пространственной протяженностью, например, «полугодие» и его производные.

Неизбежно наименования единиц меры, некоторые названия одежды и материалов, а также названия лиц с определенными полномочиями и правами не могли сохраниться в языке. Однако, их исчезновение компенсируется появлением новых слов, связанных с появлением новых реалий, сменой культурной парадигмы. Так, в частности, слова *"полупальто"*, *"полушало"*, *"полуперчатки"*, *"полусапожки"*, *"полуботинки"* и *"полуфрак"* стали часто употребляемыми в XIX веке.

Так, в Петровскую эпоху наблюдается появление названий транспортных средств, таких как *"полукаторгина"*, *"полубарка"* и *"полукарета"*. Также наблюдается активное появление слов с префиксом "полу-", которые называли различные предметы быта со значением «небольшой размер», например, *"полуключье"*, *"полуковерье"* и *"полумиска"*. В древнерусском языке также фиксируются редкие существительные с собирательным значением: *"полуказачье"* и *"полузвательство"*.

Также необходимо отметить, что наблюдается рост количества глаголов с префиксоидом "полу-" в современном русском языке по сравнению с древнерусским периодом. Если в древнерусском языке доля глаголов с префиксоидом "полу-" составляла не более 2%, то в современном русском языке отмечаются 18% от общего числа проанализированных слов. Некоторые из данных глаголов в современном языке также используются в качестве причастий, например *"полузадушенный"*, *"полужансенный"*,

"полуобгоревший", "полуослепший" и т.д. Данное явление свидетельствует о расширении семантики компонента полу- в направлении ее взаимосвязи с семантикой действия.

Несмотря на то, что в большинстве современных словарей выделены и описаны семантические компоненты префиксоида "полу-", иногда существуют некоторые сомнения относительно точного распределения некоторых слов в соответствии с определенным компонентом значения. Например, в некоторых случаях слова с префиксоидом "полу-" могут иметь значение "с признаками двух разных свойств или пород". Очевидно, что в настоящее время необходимо дальнейшее исследование данного префиксоида, уточнение однозначности/неоднозначности его морфемного статуса, уточнение истории становления системы значений данного компонента в диахроническом аспекте, выявление культурно-исторических причин изменения его семантики и т.д.

Анализ данных словарей, а также данных, представленных Национальным корпусом русского языка, показывает, что, префиксоид "полу-" остается продуктивным в современном русском языке. Он используется для образования новых слов, отражающих реалии различных временных периодов. Кроме того, слова, образованные с префиксоидом "полу-", часто становятся основой для дальнейших производных слов различных частей речи.

Отдельным направлением исследования семантики префиксоида полу- является выявление актуализации семантического и деривационного потенциала данного префиксоида в художественной литературе, в частности в поэзии, чему будет посвящена вторая глава нашего исследования.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИИ ИМЕН С ПРИСТАВКОЙ ПОЛУ- В ЭПИГРАММАХ А.СПУШКИНА

2. 1. Общая характеристика жанра эпиграммы

В качестве материала для анализа актуализации семантики форманта полу- в художественном тексте мы выбрали жанр эпиграммы. Будучи небольшим по форме и сатирически заостренным произведением, эпиграмма ориентирована на активизацию семантического потенциала морфем с целью создания ситуации языковой игры. Специфика рассматриваемых нами задач заставляет обратиться к генезису жанра эпиграммы.

Эпиграмма - это жанр лирической миниатюры, стихотворение, которое высмеивает определенное лицо или общественное явление. В России почва для эпиграммы была подготовлена народным фольклором и другими жанрами, такими как сценка-позорище, частушки, потешки, песни-шутки, колкие пословицы и прибаутки. Элементы эпиграммы появились в различных жанрах, включая серьезный жанр "обличительного слова", который имел свои корни в традиции византийского учительского слова. Русская эпиграмма высмеивала идолопоклонство, суеверия, а также различные человеческие пороки, такие как пьянство, жадность, клевета, злоба, ложь, блуд и т.д.

Эпиграмма возникла в эпоху античности как посвятельная надпись на храмах, постаментах статуй, культовых предметах. Постепенно ее тематические рамки расширились, эпиграмма приобрела самостоятельное значение как «малый жанр лирической поэзии — обращение к какому-либо лицу, нравоучительное высказывание, пожелание, восхваление, порицание и пр.» [2,4]. Т.Г. Мальчукова видит причину расцвета литературной эпиграммы в емкости самой формы надписи, позволившей заключить в себе любое содержание: «Решительное расширение тематического диапазона эпиграммы и собственное рождение ее как литературного жанра происходит в

эллинистической культуре, когда в силу общего тяготения к малым формам наименьшая из возможных становится любимым видом книжной поэзии» [26]. Другая причина — в освоении надписью элегического дистиха, этот стихотворный размер сразу поставил надпись «в сферу влияния элегической поэзии, тематический диапазон которой необычайно широк — от политической программы, патриотического призыва, философской сентенции до любовного признания» [27].

Изначально античная эпиграмма была описательной и статичной. Многие древние народы использовали и широко распространяли различные надписи, в основном посвятельные и надгробные. Однако только в Древней Греции они стали источником особой и неповторимой поэзии, которая была предтечей гомеровского эпоса.

Изначально греки называли эпиграммами любые тексты на посвятельных дарах или на могильных стелах. Однако позже этот термин стал использоваться исключительно для стихотворных надписей. В зависимости от своего содержания, эпиграммы делились на эпитафии (надгробные надписи, буквально "над могилой") и посвятельные эпиграммы.

В последующем, термин "эпиграмма" стал использоваться для любого лирического стихотворения, написанного в элегическом дистихе. В III веке н.э., в эпоху расцвета александрийской поэтической школы, сформировался жанр, известный как антологическая эпиграмма - короткое стихотворение, чаще всего описательного или философского характера. Множество антологий (сборников стихотворений) было наполнено эпиграммами Асклепиада Самосского, поэтесс Аниты, Носсиды и других. Постепенно форма надписи стала необязательной, и стихотворение начало фиксировать момент, ситуацию, настроение, или же афоризм.

В качестве примера приведем одну онтологическую эпиграмму Асклепиада:

Трижды, трескучее пламя, тобою клялась Гераклея
Быть у меня – и нейдет. Пламя, коль ты божество,
То отворачись от неверной. Как только играть она станет
С милым, погасни тотчас и в темноте их оставь.

Мы видим, что античная эпиграмма еще не обрела специфических черт, характерных для новоевропейской поэзии. Автор изображает любовные страдания и воспекает возлюбленную. Почти лишённые александрийской мифологизации, эпиграммы Асклепиада отличаются тонким остроумием и изяществом.

В современном понимании, эпиграмма – жанр, целью которого является выражение критики в адрес конкретного лица или общественного явления. Эпиграмма, как словесная карикатура, выделяет и подчеркивает особенности того, кого она разоблачает. Как и в любой сатире, эпиграмма, за некоторыми исключениями, отражает общественно-политическую позицию автора, его симпатии и антипатии. Поэтому большинство известных эпиграмм связаны с литературно-общественной и часто острой политической борьбой. В этом смысле эпиграмма, несмотря на свою субъективность, является общественно-тенденциозной в лучшем смысле этого слова.

2.2. Жанр эпиграммы в русской поэзии XVIII – первой половины XIXв.

Уже в древнерусской литературе элементы эпиграммы нашли свое место в различных жанрах, даже таких, как "обличительное слово", которое имело свои корни в традиции византийского учительского слова.

Русская эпиграмма на ранних этапах своего развития высмеивала различные явления и поверья, которые были распространены в то время. Она критиковала идолопоклонство, суеверия, веру в "птичий гай" и неправильные ритуальные пляски, которые сохранились еще с

дохристианской веры. Эпиграмма также высмеивала различные человеческие пороки, такие как запой, жадность, клевета, злоба, ложь, блуд и другие.

В XVII веке, в эпоху барокко, сложилась благоприятная обстановка для развития изящной сатиры. Античные и средневековые басни и эпиграммы стали переводиться на русский язык, а русские остроумцы начали осваивать форму и стиль эпиграммы, а также теоретизировать в этой области. Это позволило эпиграмме стать одним из популярных жанров того времени.

Так, например, перу Феофана Прокоповича принадлежит около двадцати эпиграмм на русском и латинском языках, в чём, как справедливо замечает Т.Е. Автухович, сказалась просветительская функция латинско-польской образованности первой трети XVIII века [3].

Феофан Прокопович подразделял эпиграммы на простые и сложные: «...первая только указывает или излагает что-либо; последняя же из указанного предмета выводит нечто остроумное и тонкое» [17]. Образцовыми для художника эпиграмматистами, у кого он учился, были Вергилий, Овидий, Катулл, из славян - Ян Кохановский; он часто цитирует их в «Поэтике», восхваляет, а иногда даёт близкий к содержанию оригинала или вольный перевод их эпиграмм. Однако особенно популярен у Феофана Прокоповича Марциал, который часто в своём творчестве обращается к латинским образцам эпиграмматической поэзии. «И всё же главным источником его вдохновения служит сама жизнь, современная римская действительность и окружающие его люди. В эпиграммах бурлит жизнь столичного города, изображённая поэтом во всех её красках», - замечает современный исследователь В. Дуров [9]. Поэтика эпиграмм Марциала отличается язвительной остротой, пикантностью, а иногда и грубым натурализмом, неожиданностью концовки, парадоксальностью. По его словам, ему была интересна «игривая правдивость слов». И всё-таки главным в его эпиграмматическом наследии является «стремление отражать жизнь во

всем её многообразии». Исследователи говорят о его реалистической манере [10].

В отличие от античных эпиграмм, которые писались элегическим дистихом (сочетание гекзаметра с пентаметром), Феофан Прокопович в соответствии с поэтической традицией своего времени использует в эпиграммах силлабический стих, чаще всего 13-сложник, с традиционной женской рифмой.

По Феофану Прокоповичу, задача эпиграммы - не только «изложить» (т.е. описать, разить) предмет, явление, но, главное, сделать «некоторый остроумный вывод». Главных достоинств эпиграммы три: краткость, приятность в остроумие» (444).

А.П. Сумароков – аристократ и дворянин, преисполненный негодованием и сарказмом, перенял эстафету в середине XVIII века. Несмотря на свое высокое положение он клеймил порок в любом его обличье. Более сотни эпиграмм высмеивают косность, крючкотворство и взяточничество коллег по привилегированному сословию.

Далее появляются новые авторы - Г.Р. Державин, И.И. Хемницер, В.В. Капнист – авторы рискованных эпиграмм на темы придворных интриг и высокопоставленных лиц, они первыми стали высмеивать конкретных людей, а не общественные пороки. Обычно в эпоху русского классицизма герои эпиграмм носили «говорящие фамилии»: Хмельников - любитель выпить, Скрягин – скупой, Маралов – бездарный писатель. На рубеже XVIII – XIX века эпиграмма стала более живой и язвительной, как сама жизнь. Такие вирши уже не печатались и передавались из уст в уста, а наиболее удачные выходили в рукописных сборниках. Одновременно возникли близкие по духу сатирические и водевильные «куплеты».

С приходом романтизма и сентиментализма эпиграмма получила более глубокий философский смысл и выразительное содержание.

Русская эпиграмма совершила стремительный взлет, когда к ней прикоснулся А.С. Пушкин. Он впервые стал находить семантические созвучия между фамилиями и отрицательными чертами характера героя: драчливый журналист Каченовский по ассоциации с кочергой становится Кочерговским, приспособленец Булгарин сравнивается с флюгером и нарекается Флюгариным, а за пронырливость – Видок Фиглярин. Эпиграммы-портреты, за которые и пострадал Пушкин, удавались ему наиболее ярко.

С.А. Соболевский, Е.А. Баратынский, П.А. Вяземский возвели русскую эпиграмму в искусство мгновенного, молниеносного обнажения неизменной сути персонажа, тем самым, наверное, создав своеобразный проверенный иммунитет от общественного падения нравов.

В начале XIX века, когда в России обострился интерес к античной культуре и искусствам, антологическая эпиграмма, переводная, подражательная, а затем и оригинальная, появляется в русской поэзии. Первые образцы русской антологической эпиграммы были созданы в 1806 году А. Х. Востоковым. Хотя в обиход русской поэзии к этому времени прочно вошла эпиграмма сатирическая, антологическая эпиграмма также привилась на русской почве; к ней с успехом обращались Жуковский, Гнедич, Пушкин, Дельвиг, позднее А. Майков и др.

Однако с самого же начала антологическая эпиграмма воспринималась русскими поэтами как жанр совершенно особый, отличный и по форме и по содержанию от боевой и острой сатирической эпиграммы. Интересно в этом отношении определение, которое дано антологической эпиграмме в брошюре К. Н. Батюшкова и С. С. Уварова "О греческой антологии" (1820):

"Ей все служит предметом: она то поучает, то шутит, и почти всегда дышит любовью. Часто она не что иное, как мгновенная мысль или быстрое чувство, рожденное красотами природы или памятниками художества. Иногда греческая эпиграмма полна и совершенна, иногда небрежна и неоконченна... как звук, вдали исчезающий. Она почти никогда не заключается разительную

острою мыслью, и чем древнее, тем проще; этот род поэзии украшал и пиры, и гробницы".

На протяжении XIX века оба жанра существуют в русской литературе совершенно самостоятельно, причем главное место и значение принадлежит эпиграмме сатирической.

Если и наличествует некоторое влияние одного жанра на другой, то оно обычно чисто формальное. Так, например, М. Л. Михайлов в своих сатирических эпиграммах использовал форму элегического дистиха, которым обычно писались антологические эпиграммы.

2.3. Жанр эпиграммы в поэзии А.С. Пушкина: разновидности, особенности поэтики.

Эпиграммы А.С. Пушкина являются важнейшей, неотъемлемой частью творчества поэта. На данный момент насчитывается около 108 произведений: от зарисовок в «Евгении Онегине» до коротких сатирических экспромтов. Сам же Пушкин в письме – говорил: «Их всех около 50 и все оригинальные», «У меня их пропасть» [Переписка А.С. Пушкина в 2-х томах, Т.1, 102]

Прежде чем перейти к рассмотрению Пушкинской эпиграммистики, стоит еще раз вернуться к вопросу определения жанра.

Понятие «эпиграмма» в пушкинскую эпоху обозначало не только один из жанров сатирической поэзии, представляющий собой небольшое стихотворение, заключающее в себе насмешку, обычно в форме неожиданного вывода в конце, или же отдельное произведение этого жанра. У эпиграммы есть и другой, обиходный пласт, во многом взаимодействующий с ее литературным воплощением. В незавершенном произведении Пушкина «Мы проводили вечер на даче» есть такой эпизод: «Барон Д** на дурном французском языке очень дурно рассказал известный анекдот: вопрос ее Бонапарту — Кого почитает он первую женщиною на

свете? — и забавный его ответ: Ту, которая народила более детей — Какая славная эпиграмма! Заметил один из гостей» [VIII, 420].

Здесь «эпиграммой» именуется остроумный ответ. В «Словаре языка Пушкина» дается следующее определение: «Колкое, остроумное замечание, насмешка, острота». Именно такие эпиграммы часто встречаются в произведениях Пушкина. За этими остротами закрепился эпитет «площадной»: «Что нет нелепицы такой, / Ни эпиграммы площадной» (четвертая глава «Евгения Онегина», VI, 81). «Их эпиграммы площадные, / Из Бьеврианы занятые» («Конечно, презирать не трудно...», III, 471); другие определения — «пошлая», «нахальная». Есть и более «положительные» упоминания, например: «И смелость едких эпиграмм» (II, 176) в незаконченном стихотворении «Я не люблю твоей Корины...».

Два значения понятия «эпиграмма», с одной стороны, четко разграничиваются, а с другой — взаимодействуют. Различать их необходимо, в частности, при чтении романа «Евгений Онегин»: уже пятая строфа первой главы завершается часто цитируемым стихом: «Огнем неожиданных эпиграмм» (VI, 8), иногда сбивающим с толку читателей. В известном комментарии Ю. М. Лотмана Онегин окончательно освобожден от подозрений в стихотворстве, дань которым отдал и автор более раннего комментария Н. Л. Бродский. «То, что здесь не имеется в виду один из жанров сатирической поэзии, вытекает из подчеркнутой Пушкиным неспособности Онегина к стихотворству».²⁹ В восьмой главе «Евгения Онегина» мы встречаемся с более сложным случаем употребления жанрового термина: «Тут был на эпиграммы падкий / На все сердитый господин...» (VI, 176). По мнению В. С. Баевского, «на все сердитый господин» был падок на эпиграммы, «лишенные общественного значения», на «эпигонские, бессодержательные стишки», далекие от того, чтобы быть «орудием политической, литературной, общественной борьбы»,³⁰ каковым эпиграмма является для самого Пушкина. Но Пушкин высмеивает пошлость эпиграмм именно этого персонажа, от светских шуток никто и не требует особого «содержания».

Как правило, если в «Евгении Онегине» речь заходит об эпиграмме, то литературный жанр упоминается в связи с размышлениями автора, а герой, как уже было замечено, не способный «ямба от хоря отличить», предстает именно светским остроловом. Так, слово «vulgar», о котором говорит автор в восьмой главе, «годилося» бы в «эпиграмме» как сатирическом жанре. Ранее, в четвертой главе, в строке «И шевелится эпиграмма на глубине моей души...» речь также идет о письменной разновидности. Единственный случай, который представляется нам амбивалентным, — XXXIII главка шестой главы: «Приятно дерзкой эпиграммой / Взбесить оплошного врага; / Приятно зреть, как он, упрямо / Склонив бодливые рога, / Невольно в зеркало глядится; / И узнавать себя стыдится; / Приятней, если он, друзья, / Завоет сдуру: это я!» (VI, 1³¹). Здесь грань между речью автора и мыслями Онегина, между двумя значениями понятия «эпиграмма» пролегает не так явно, она несколько размыта. Поэтому представляется не совсем верным однозначное причисление авторами «Словаря языка Пушкина» этого примера ко второй разновидности «эпиграммы». Подробно описанное восприятие эпиграммы адресатом — сравнение с зеркалом, узнавание себя — скорее соотносится с феноменом эпиграммы как жанра.

Это различие все-таки остается слишком тонким для современного восприятия. Поэтому если речь заходит о жанре эпиграммы, то первой приходит на ум именно крылатая «огненная» строчка из «Евгения Онегина». С некоторой долей уверенности мы можем заявить, что на данный момент не так много работ, отдельно посвященных вопросу классификации Пушкинских эпиграмм. Однако так или иначе позиция многих исследователей по этому вопросу затрагивается:

Большинство исследователей(--) разделяют эпиграммы по тематическому признаку – политические, дружеские(“на лица»), литературно-полемиические. А также некоторые исследователи склонны классифицировать их по стилевому признаку.

Политические эпиграммы Пушкина наименее многочисленны: большинство из них были написаны в юности, когда его противостояние с властью и государством было особенно острым. Таковым, например, можно считать две эпиграммы на реакционного публициста Стурдзу:

Холоп венчанного солдата,^[1]

Благодари свою судьбу:^[1]

Ты стоишь лавров Герострата^[1]

И смерти немца Коцебу.

Две эпиграммы на Аракчеева и министра иностранных дел Голицина. А также две эпиграммы на Александра I. Ни на Николая I, ни на реакционных деятелей Церкви, Пушкин, эпиграмм не писал.

Литературные эпиграммы, по убеждению Ф.Раскольникова, занимают основное место в эпиграмматическом наследии Пушкина. Большинство из них написано в период 1826-1829 годах. Приведем одну:

Для муз и дружбы жив поэт. Его враги ему презренны —^[1]

Он музу битвой площадной

Не унижает пред народом;

И поучительной лозой

Зоила хлещет — мимоходом.

Эпиграмматизм свойствен и многим прозаическим высказываниям Пушкина в письмах и в критических выступлениях. В частности, небольшая заметка 1830 года, напечатанная в разделе «Смесь» «Литературной газеты» и содержащая высказывание некоего «***», за которым скрывался сам поэт, выстроена по законам, характерным для эпиграммы.

Для Пушкина резкость и отчетливая персональная направленность были необходимым условием художественной действенности сатиры вообще и эпиграммы в частности. В черновом варианте послания он даже несколько утрирует, заостряет эту тональность: «И в глупом бешенстве кричу я наконец / Хвост(ову) ты дурак — а Стурдзе - ты подлец» (II, 677).

Гиперболически применяя к собственной практике нелестную формулу «глупое бешенство», Пушкин искал способ соединения категоричности и действенности эпиграммы с интеллектуальной изощренностью и внутренней логичностью. В 1826 году, объясняясь с Вяземским по поводу приписываемой Пушкину эпиграммы на Карамзина, поэт употребляет слова «глупы» и «бешены» уже по отношению к чужим эпиграммам.

О своих же пишет: «Моя (эпиграмма. — Е. Н.) остра и ничуть не обидна» (XIII, 285). Вопрос о степени «обидности» той или иной конкретной эпиграммы едва ли имеет однозначное, объективное решение. К примеру, эпиграмму на М. С. Воронцова не обязательно воспринимать как неоспоримую характеристику этого исторического деятеля.

Но подлинно художественная острота данной эпиграммы придает ей обобщенное значение. Адресат ее становится до некоторой степени прототипом воссозданного в ней характера, порой несмотря даже на указание конкретного лица и имени. Русская сатирическая эпиграмма вплоть до нашего времени сохранила эту доминантную черту.

Что же касается грубой и непристойной лексики некоторых пушкинских эпиграмм, то разобраться с подобными дерзкими выпадами помогает комментарий М. А. Цявловского к поэме «Тень Баркова», опубликованный в журнале «Philologica»³³. По словам Цявловского, муза поэта «не всегда была целомудрена». Об этом свидетельствует, в частности, написанная в Лицее эпиграмматическая сказка (сюжетная «conte épigrammatique» — определенная разновидность эпиграммы, пришедшая к нам из Франции) «От всенощной идя вечер домой...». Пушкин поделился своим сочинением с Пушиным и с

одним из наставников, который не одобрил юного поэта, посоветовав ему больше «такой поэзией» не заниматься. Пушкин в какой-то мере последовал этому совету, о том, в какой мере, мы можем судить, рассмотрев все «такие» эпиграммы. Эту эпиграмматическую сказку, наряду с «Оставя честь судьбе на произвол...», «Пупок чернеет сквозь рубашку...», «В Академии наук...», «Князь Шаликов, газетчик наш печальный...» (написана совместно с Баратынским), и дубиальную эпиграмму «Сожаленье не поможет...» Цявловский отнес к категории «стихотворений более или менее нескромного содержания с непристойными словами», подчеркивая, что это лишь «обмолвки» поэта, словесные шалости, а не «произведения» в полном смысле этого слова. Две другие категории — во-первых, «фривольные произведения, где нескромное содержание выражено в скромной форме: иносказаниями, недоговоренностями и намеками», здесь Пушкин выступает учеником французских поэтов XVII-XVIII вв., в частности Пирона. Среди произведений других жанров исследователь называет эпиграммы: «Ты хочешь ли узнать, моя драгая...», «Нимфодоре Семеновой», «Словесность русская больна...», «На кн. А. Н. Голицына», две эпиграммы 1821 года, написанные по-французски, а также «Разговор Фотия с гр. Орловой», принадлежность которого Пушкину не установлена окончательно. Во-вторых, «стихотворения, лишенные какой-либо фривольности, но с грубыми вульгаризмами»: «На Каченовского» («Бессмертную рукой раздавленный зоил...»), «Холоп венчанного солдата...» (у этой эпиграммы есть вариант с грубым заключительным стихом), «Вот перешед чрез мост Кокушкин...», «Всей России притеснитель...».

Поэт не прибегал к «сквернословию ради сквернословия»,³⁴ не культивировал жанр непристойных стихотворений, не продолжал активно в своих эпиграммах барковской традиции. Но в то же время, по словам Цявловского, «употребление Пушкиным в произведениях вульгаризмов часто не просто черта времени, а вполне сознательно применяемый прием, которым он пользовался в годы своего зрелого творчества. Цель применения

этого приема Пушкин объясняет в одном из писем Вяземскому (декабрь 1823): «...я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе» (XIII, 81). В своих эпиграммах поэт как раз не писал «иначе».

В третьей кишиневской тетради Пушкина некоторые стихотворения небольшого объема записаны под общими заголовками «Эпиграммы во вкусе древних». Присутствие среди них таких сатирических эпиграмм, как «Оставля честь судьбе на произвол...», вновь подтверждает тот факт, что связь с древней, античной традицией в отношении к эпиграмме постоянно осознавалась поэтом. В этом плане для Пушкина грубость была одним из элементов, изначально присущих жанру — подобно тому, как торжественность свойственна оде, а грусть — элегии.

2.4. Семантика приставки ПОЛУ- и функции имен с приставкой ПОЛУ- в эпиграммах А.С. Пушкина.

В двух эпиграммах («На Воронцова» и «На Фотия») А.С Пушкин использует неузואльные сложные слова с компонентом *-полу-*.

Мы полагаем, это не случайно, поскольку, как мы выяснили, модель с данным компонентом регулярна в любых сферах и стилях, она обладает количественной-мотивационной базой, т.к этот компонент может сочетаться с мотиваторами из разных частей речи.

Эпиграмма «На Воронцова» строится на противопоставлениях: с одной стороны, полумилорд-полукупец, с другой - полумудрец-полуневежда. Обратившись к семантике данного форманта, рассмотренной в первой главе работы, обратим внимание на разнообразие значений ПОЛУ- в этой

эпиграмме. Так, первая строка «полумилорд – полукупец» является намеком на английское воспитание графа и при этом его тягу к коммерции.

Поставленные в один ряд милорд и купец сами по себе выглядят вызывающе, а добавление компонента ПОЛУ- превращает эти характеристики в насмешку. Очевидно, что семантика полу- в этих примерах не связана со значением «половина». Речь идет о значении, довольно редко встречающемся в языке того времени, аналогичное семантике союза «то ли – то ли»/ «не то – не то». «Не то милорд, не то купец» - строка, выражающая презрение к человеку, представляющему собой нечто неопределенное между двумя несовместимыми характеристиками.

В следующей строке «полумудрец – полуневежда» ситуация несколько другая. С одной стороны, есть основания увидеть здесь семантику ПОЛУ-, аналогичную той, которая наблюдалась в первой строке (то ли мудрец – то ли невежда). Но остается возможным и другое прочтение семантики форманта. Дело в том, что мудрость - понятие, которое не допускает членимости на равные части. Невозможно быть мудрым наполовину, поэтому «полумудрец» - насмешливо отсылает к представлению об отсутствии ума. В данном случае ПОЛУ- означает «совсем мало», «почти полное отсутствие». В таком случае, «полуневежда», наоборот, активизирует противоположную семантику – «почти полностью», и в итоге между этими двумя словами возникает смысловое напряжение, допускающее разные трактовки:

- 1) то ли мудрец, то ли невежда;
- 2) почти отсутствие мудрости, почти полное невежество.

На фоне этих неоднозначных соотношений аккордом звучит последний случай употребления ПОЛУ- : «полуподлец». Усиленный продолженным далее рассуждением о полном подлеце, формант

ПОЛУ- активизирует семантику «почти полный», тем самым делая полностью убедительным оппозицию во второй строке «совсем немного – почти полностью».

Таким образом, на глазах читателя разворачивается семантическое поле форманта ПОЛУ-, между значениями которой формируются многоаспектные семантические связи и возникает развитие семантики в сторону усиления значения «почти полностью» до утверждения полноты присутствия признака («что будет полным, наконец»).

Согласно определению М.Л. Гаспарова, эпиграммы – это короткие сатирические стихотворения, обычно с остротой (пуантом) в конце, отчасти перерабатывающие традиционные марциаловские мотивы, отчасти откликающиеся на злободневные, часто политические мотивы(цитата).

Начальному этапу развития эпиграммы сопутствовали отвлеченный психологизм и дидактическая нравственность. Имена персонажей в эпиграммах Кантемира стилизованы в античном духе: Клеандр, Друз, Брут, Сильван, Леандр – весьма условные обозначения носителей того или иного порока. Впрочем, эта позиция авторов выбрана сознательно. Эта же позиция, что важно подчеркнуть, типична для классицистического мировоззрения.

Большинство эпиграмм по-прежнему безлично, нацелено на отвлеченные пороки. Таковы например стихотворные опыты Тредиаковского «К охуждателю Зоилу», «На человека, который, вышел в честь...», «На человека, который бы толь был зол...», где очерчивается традиционный для классицистического миропонимания круг человеческих слабостей.

Более совершенны по содержанию и форме сатирические миниатюры Ломоносова. Открытое обличительство потеснено косвенными видами насмешки, возникают примеры иносказания, аллегии. Эпиграмма

Ломоносова “Отмщать завистнику меня вооружают...” направлена в адрес конкретного лица, злобного, но мелкого недруга.

Во второй половине XVIII века эпиграмма заняла свое место наряду с иронической поэмой, комедией и басней. Уступая этим наиболее распространенным жанрам эпохи, эпиграмма, тем не менее, вторгалась в движение литературно-общественной мысли. Резкое возрастание комического, смешного в эпиграмме второй половины XVIII было прогрессивным явлением. В XVIII веке, когда облик русской эпиграммы только складывался, большую роль сыграла опора на предшествующую мировую (античную, французскую, немецкую) традицию. Отсюда обилие переводных эпиграмм, широкое заимствование сюжетов у наиболее известных мастеров этого жанра.

В басне и эпиграмме, иронической поэме и комедии, более чем в каком-либо ином литературном жанре, находили воплощение социальные и национальные черты времени. По выражению Л.Ф. Ершова Происходила диффузия жанров, их взаимообогащение (особенно интенсивное между басней и эпиграммой), преодоление классицистического канона, «чистоты» нормативной поэтики.

А. П. Сумароков в «Эпистоле-II» (о стихотворстве) верно очертил типические особенности основных сатирических жанров тех лет. Поэт начал с комедии:

Свойство комедии — издевкой править нрав,

затем перешел к жанру сатиры:

“В сатирах должны мы пороки охуждать, Безумство пышное в смешное превращать...” “

О басне сказано так:

“Склад басен должен быть шутив, но благороден, И низкий в оном дух к простым словам пригоден.”

Между суждениями о сатире и басне заходит речь и об эпиграмме:

“Рассмотрим свойство мы и силу эпиграмм:

Они тогда живут, красой своей богаты,

Когда сочинены остры и узловаты,

Быть должны коротки, и сила их вся в том,

Чтоб нечто вымолвить с издевкою о ком.”

Во всех этих определениях, наряду со стремлением выявить специфическое начало, бросается в глаза другое — настойчивое подчеркивание объединяющего все перечисленные жанры признака — силы смеха.[Л.Ф Ершов: 12-13]

А.П Сумароков крупный эпиграмматист XVIII века. Тематика эпиграмм Сумарокова широка и многообразна. Вместе с тем поэт подвергался критике из-за использования низших и средних представителей феодально-бюрократической сферы, на неправедных судей, стряпчих, крючкотворов, мздоимцев. Если в баснях Сумарокова встречаются 'зарисовки быта и нравов простых людей (крестьяне, солдаты, дворовые, ремесленники), то его эпиграмма несравненно дальше отстоит от насущных запросов людей низшего сословия. Она используется в качестве оружия дворянской самокритики, осмеивает пороки светской жизни, общечеловеческие недостатки и слабости. Например:

Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог.

Конечно, голова в почтеньи меньше ног.

“ В наследии Сумарокова представлены и собственно литературные эпиграммы. Несколько из них направлены против Ломоносова, которого поэт считал главным своим соперником на российском Парнасе. “Сатирическая миниатюра Сумарокова — явление переходного времени. Она особенно выразительно запечатлела момент, когда нравоучение, дидактика в их более или менее обнаженном виде уступают место эмоционально-образному воплощению идей и мнений, а прямое порицание заменяется скрытыми видами насмешки (ирония, пародия). Так, в эволюции сатиры прослеживается переход от непосредственного воздействия на очередных носителей зла к иному пониманию целей и задач искусства обличения смехом, сформулированному уже в XIX веке: «Не должно думать, однако, чтобы насмешка могла исправить порочного: она только *открывает* ему дурные стороны его и, может быть, живее только дает чувствовать необходимость украсить их личиною приятного». И далее В. А. Жуковский проводит мысль о том, что смех — «оружие *предохранительное*».

Угрюмоватый тон прежней сатиры, дидактика и нравоучение существенно потеснены в эпиграмме Сумарокова общим шутивным настроением, которым так дорожил автор «Эпистолы о стихотворстве». Это, казалось бы, не столь существенное нововведение повлекло за собой и другие преобразования” [15]

Резкое возрастание комического, смешного в эпиграмме второй половины XVIII века, несомненно, было прогрессивным явлением. Вместе с тем это не отразилось на углублении сатирического пафоса, раскрытии главного социально-политического противоречия того времени. В частности, оппозиционность пылкой музы Сумарокова не переходила границ общественно-политической умеренности.

К концу XVIII века эпиграмма обрела четкие композиционные контуры, прежде всего ясно выраженную двучленность. В первой части содержится

как бы ожидание, переданное посредством описания или изображения события, явления, предмета, страсти и т. п., а во второй части дано разрешение с помощью остроумного и, как пра вило, «нечаянного», то есть неожиданного, заключения (пуанта). В умело сделанной эпиграмме сначала нет и намек на смысловой поворот итогового стиха. Более того, вначале могут звучать притвор но-сочувственные интонации или, что чаще всего, демонстрируется позиция полной объективности, содержащей даже нейтральнодобродушный оттенок.

После Кантемира эпиграмма еще находилась некоторое время на периферии литературного развития, однако А. П. Сумароков вывел ее на почетное место сразу же вслед за басней — одним из самых популярных стихотворных сатирических жанров века. В конце XVIII столетия эпиграмма заняла видное место в творчестве не только тех, кто считал деятельность сатирика как бы своим профессиональным занятием, но и всех крупнейших поэтов того времени. У Г. Р. Державина и М. М. Хераскова, И. И. Хемницера и В. В. Капнистанайдем больше (Капнист, Державин) или меньше (Хемницер) произведений такого рода, по важно, что они были и в чем-то существенном влияли на судьбы русской сатиры. Правда, большинству из этих поэтов не удалось выйти за пределы эстетики классицизма, однако в рамках этого метода их эпиграммы нередко приобретали эталонный характер, а отдельные строки становились афоризмами.

В формальном отношении эпиграмма крупнейших поэтов второй половины века наследовала многое из достижений предшествующих десятилетий. Были и новые обретения, среди которых следует упомянуть обращение к каламбуру, каламбурной рифме: «...невежества его Печать выходит из печати» (В. В. Капнист) ; «Наполеон — На-поле-он; Багратион — Бог-рати-он» (Г. Р. Державин) и др.

В эпиграммах Державина и Капниста меньше той злободневности, локальности, которыми отличались произведения других современников; они сдержаннее, уравновешеннее, если угодно — философичнее по своей строчечной сути. Это не недостаток, а особенность той разновидности жанра, которая впоследствии, уже на иной эстетической платформе, получит развитие у Жуковского, Баратынского, Тютчева, Фета.

В начале XIX века выходит из печати ряд теоретических и учебно-прикладных трудов, на страницах которых делаются попытки наметить новые пути в развитии жанра эпиграммы. Так, например, в книге Ивана Рижского «Наука стихотворства» (1811) проявилась тенденция к иному толкованию задач эпиграмматиста, нежели те, что были определены несколько десятилетий ранее в «Правилах поэтических...» Аполлоса Байбакова. Здесь впервые вводится понятие «непритворности замысла», куда более свойственно реалистической поэтике, нежели классицистической. Автор «Науки стихотворства» это нововведение расшифровывает следующим образом: «Непритворность замысла состоит в том, когда содержащаяся в нем мысль кажется произведением не остроумия сочинителя, но самого предмета...» [Иван Рижский, Наука стихотворства, 60]

Как отмечает («Расцвет эпиграммы Пушкинской поры выразился и в ее более значительном удельном весе среди других литературных жанров и в неведомом доселе сближении с самыми насущными потребностями литературного и социаль-политического развития. Меняется и существенно расширяется ее типология как по средствам и способам изображения: сатирическая, юмористическая, шутливо-развлекательная, пародийная, так и по тематике: политическая, бытовая, литературная и тд. При этом бытовая оттесняется на второй план политической эпиграммой.» [Л.Ф Ершов: 26]

Пушкинская поэзия воплощает процесс перехода тогдашних форм к новому художественному методу. Нарастание эстетических качеств, позволивших

занять лидирующую позицию в художественном направлении русской литературы.

Пушкина волнуют коренные социально-политические проблемы России: самодержавие, крепостничество, мракобесие церковников, основные общественно-политические вопросы. В сатирических миниатюрах Пушкина отражено непримиримое противоречие двух идеологий, двух нравственно-философских систем, и это еще один аргумент в пользу революционного во всех смыслах новаторства Пушкина(перефразировать и доработать)

В политической миниатюре Пушкин выступает родоначальником эпиграммы-инвективы, эпиграммы-сатирического памфлета: “парадоксальность и неожиданность концовки у Пушкина – показатель нелепости социально-политического уклада, абсурдности, утвердившейся общественных институтов”[Л.Ф Ершов: 28].

Среди пушкинских эпиграмм к числу наиболее резких относятся выступления против реакционного публициста Стурдзы(, против Аракчеева, на Графа Воронцова и самого Александра 1 К середине 1820-х годов поэтика Пушкина обогащается принципом художественного историзма. Поэт такхарактеризует умение писателя верно передавать явления действительности, когда «не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие» выступают в произведении, но сама жизнь и «минувший век во всей его истине».[А. С. Пушкин, О народной драме и драме «Марфа Посадница». — Поли. собр. соч., т.11]

Место аллегоричности и описательности занимает прием живописной изобразительности. Эпиграмма усваивает внутренний драматизм как эквивалент напряженности постыгаемых ею жизненных коллизий, диалектически противоречивой природы социальных явлений.

Рассмотрим еще одну эпиграмму А.С. Пушкина «На Фотия»:

Полу-фанатик, полу-плут;

Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, господи, греховным
Поменьше пастырей таких,—
Полу-благих, полу-святых.

Фотий – яркая фигура эпохи. Он стал духовником князя Голицына, через которого смог приблизиться к императору Александру I. Фотий прославился лицемерием, прославляя своего благодетеля князя Голицына и одновременно составляя на него доносы императору, обвиняя в причастности к масонской организации, которую Фотий считал исчадием сатанизма. В конце концов Фотий добивается от императора отстранения Голицына от руководства духовной жизнью и образованием в России.

Пушкин обращается к эпиграмме, будучи возмущен жестокостью и лицемерием Фотия в период близости с императором:

Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, господи, греховным
Поменьше пастырей таких,—
Полу-благих, полу-святых.

В первой строке мы узнаем семантику «то ли – то ли» (то ли фанатик – то ли плут), поскольку никакие иные значения форманта ПОЛУ- не могут быть актуализированы благодаря семантике корней слов «фанатик» и «плут».

В последних строках эпиграммы, снова появляются два слова с компонентом ПОЛУ- : полублагих, полусвятых. Однако семантика форманта в этих строках иная. После упоминания преступлений Фотия (проклятье, меч, крест, кнут) слова «полублагих», «полусвятых» активизируют значение «совсем немного», т.е. «полублагих» - почти совсем не благих», «полусвятых» - почти полное отсутствие святости. Упоминание «греховных», подчеркивает

заслуженность появления такого монаха, однако молитвенная форма предполагает пренебрежение к данному образу благочестивого монаха. Положение слов «полублагих», «полусвятых» в абсолютном конце произведения еще больше усиливает их незыблемость и самодостаточность. Таким образом, в пределах одного текста А.С. Пушкин демонстрирует семантическое варьирование компонента ПОЛУ- , показывая богатую палитру значений данного форманта и его сочетаний с другими морфемами, позволяет поставить сложные вопросы о человеческом достоинстве, добродетели и лицемерии и т.д. Семантическая игра в полной мере соответствует жанру эпиграммы и созданию объемных, ярких образов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Синхронно-диахронические исследования лексико-грамматической системы русского языка ведутся в лингвистической науке непрерывно, вместе с тем сохраняется большое количество невыявленных, недостаточно систематизированных или не получивших исторического комментария языковых фактов.

К таким языковым фактам, требующим детального рассмотрения, относится семантика препозитивного форманта ПОЛУ-, которому не уделялось достаточного внимания в научных исследованиях

Содержательной стороне данных процессов посвящены фундаментальные исследования В. В. Виноградова, Е.А. Земской, Ю. С. Сорокина, Б.А. Успенского и многих других специалистов в области теории и истории русского литературного языка. Также регулярно появляются исследования конкретного характера, посвященные отдельным языковым фактам. Для нашей работы определяющее значение имели работы современных лингвистов-лексикологов, посвященные семантике префиксоидов русского языка, в частности, исследования Б.Л. Иомдина, В.Д. Воейковой, С.В.

Анализ семантики приставки ПОЛУ- был осуществлен как в теоретическом, так и в практическом аспектах. В первой главе работы были рассмотрены основные исследовательские подходы к определению морфемного статуса данного форманта. Также формант ПОЛУ-/ПОЛ- был рассмотрен в

диахроническом аспекте и сопоставлена семантика ПОЛУ- на разных этапах истории русского литературного языка.

Во второй главе рассмотрен жанр эпиграммы, проанализирована история жанра в русской поэзии, определены особенности жанра эпиграммы в поэзии А.С. Пушкина. Проведенный анализ семантики форманта ПОЛУ- в эпиграммах А.С. Пушкина показал высокую степень варьирования лексического значения приставки в его эпиграммах, не наблюдающуюся в поэтической практике современников поэта. При этом в эпиграмме «На Фотия» выявлены оттенки значения, достаточно редко встречающиеся в письменной речи.

Таким образом, был сделан вывод об уникальном понимании А.С. Пушкиным богатства и выразительности форманта ПОЛУ- , его семантическому потенциалу и возможностям семантического варьирования.

Так, в эпиграммах А.С. Пушкина в соответствии с законами жанра, реализуется тончайшая смысловая игра оттенками значения компонента ПОЛУ-.

Анализ эпиграмм других поэтов, а также текстов других жанров показал, что такое разнообразное семантическое варьирование значения форманта ПОЛУ- в пределах одного текста не встречается ни у кого из русских поэтов.

Значение «то ли – то ли» также не зафиксировано ни в одном тексте эпиграммы в русской поэзии первой половины 19 в., кроме текстов А.С. Пушкина.

Тем самым, результаты нашего исследования помогают выявить оригинальность пушкинской поэтики, а также могут быть использованы в текстологических исследованиях, например, при решении задач атрибутирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, А.А. Русский литературный язык в XVIII в. // А. А. Алексеев. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб., 2013. С. 65—80.
  2. Багрянский, И.М. Имя числительное в русском языке XI—XVII вв. // Труды Узбек. ун-та. Вып. 71. Самарканд, 1957.
  3. Багрянский, И.М. К вопросу о развитии числительных как самостоятельной части речи в русском языке // Труды Самарк. гос. ун-та им. А. Навои. Новая серия. Вып. 118. Исследования по русскому языку. Самарканд, 1962. С. 207—217.
-

4. Биржакова, Е.Э., Войнова, Л.А., Кутина, Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.
  5. Буланин, Л.Л. Трудные вопросы морфологии. Пособие для учителей. М., 1976.
  6. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М., 2001.
  7. Востокова, Г.А. Семантическая мотивация сложного слова (об одном из значений пол-/полу- как первого компонента сложений в русском языке XI—XVII вв.) // Вопросы языкознания, 1984. № 1. С. 90—100.
  8. Граудина, Л.К., Ицкович В.А., Катлин, Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976
  9. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 2006.
  10. Дровникова, Л.Н. Сложные образования с поль в русском языке XIV—XVII веков // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1959. Вып. 2. С. 206—215.
  11. Дровникова, Л.Н. История числительных в русском языке. Владивосток, 1985.
  12. Дьячкова, И.Н. Имена числительные: состав, структура и функционирование в русском литературном языке XVIII века. Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2009.
  13. Еськова, Н.А. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. М., 1994.
  14. Еськова, Н.А. Слитные/дефисные написания существительных и цельнооформленность слова // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика. М., 2009. С. 59—68.
-

15. Живов, В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М., 2004.
16. Жолобов, О.Ф. Динамика древнерусских числительных: половинный счет // Russian Linguistics. 2005. No. 2. Vol. 29. P. 201—211.
17. Жолобов, О.Ф. Числительные // Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV. М., 2006.
18. Зализняк, А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 100 000 слов. 2-е изд. М., 1980.
19. Зализняк, А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.
20. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства [Текст] // Русский язык конца XX столетия. – М., 2000.
21. Зенкин, С. Культурология префиксов [Текст] // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 16. – С. 47-53.
22. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика [Текст] / И. М. Кобозева. – М., 2004. – 352 с.
23. Лопатин В.В. Аффиксоид / В.В. Лопатин // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин.– М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1997. – 576 с.
24. Маркова, Е. М. Семантическая эволюция праславянской лексики (на материале имен существительных) [Текст] : монография / Е. М. Маркова. – М. : МГОУ, 2014. – 312 с.
25. Неганова, Г. Д. Ландшафтная лексика в пространстве культурного ландшафта: сложные слова с начальным компонентом пол-/полу- [Текст] // Вестник костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 6. – С. 104-106.
-

26. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование / В.Н. Немченко. – М.: Высшая школа, 1984. – 253 с.
27. Никитина, Т. Г. Молодежный сленг: толковый словарь [Текст] / Т. Г. Никитина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель, 2009. – С. 635. 11.
- Николина, Н. А. Лексикализация морфем в современном русском языке [Текст] // Актуальные проблемы современной русистики: Тезисы докладов III региональной научно-практической конференции. – Киров, 1996.
28. Новые слова и значения : Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов [Текст] / под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. – М., 1973. – С. 359-360.
29. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов [Текст] / под ред. Н. З. Котеловой. – М., 1984. – С. 532-536.
30. Пирога, Н. Г. Семантические, словообразовательные и орфографические особенности слов с пол-, полу- [Текст] // Вісник дніпропетровського університету імені альфреда нобеля. Серія «Філологічні науки». – 2013. – № 1 (5). – С. 177-183.м
31. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Д.Э. Розенталь; под ред. И.Б. Голуб. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 363 с.
32. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) [Текст]. Т. 7: (поклепанъ – пращоуръ) / гл. ред. В. Б. Крысько. – М. : Рус. яз, 2004. – С. 93-107.
33. Словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981-1984.
34. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. [Текст]. – М. : Наука, 1990. – С. 259-279.
35. Словарь современного русского литературного языка [Текст] : В 17т. – Т. X.– М.-Л., 1961.
-

36. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам [Текст] : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Тип. Император. Акад. наук, 1912.
37. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка (краткий очерк) / М.Д. Степанова // Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. – М.: Русск. яз., 1979. – С. 519–536.
38. Судаков, Г. В. История лексических групп в славянских языках: перспективы сравнительносопоставительных исследований [Текст] // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 1 (16). – С. 67-71. 21.
- Сулименко, Н. Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии [Текст] / Н. Е. Сулименко. – М. : Наука : Флинта, 2006. – С. 7.
39. Тимофеев К.А. Об основных понятиях словообразования / К.А. Тимофеев // Русский язык в школе. – 1971. – № 3. – С. 29–37.
40. Тихонов А.Н. Морфемный состав и словообразовательная структура слова в русском языке / А.Н. Тихонов // Учен. зап. Ташкент. пед. ин-та, 1975. – Т. 143. – № 1. – С. 7–13.
41. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов [Текст] / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2011.
42. Шанский Н.М. Аффиксоиды в словообразовательной системе современного русского язык / Н.М. Шанский // Исследования по современному русскому языку. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – С. 257–271.
43. Шанский, Н.М. Анализ художественного текста. М., 1975
44. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959.
45. Шанский, Н.М. Лингвистический анализ стихотворного текста. М., 2002.
46. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1996.
-

Словари

47. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
48. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – Т. 1–4. – 2972 с.
49. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
50. Словарь русского языка XI–XVII вв.: Вып. 1–25 / гл. ред. С.Г. Бархударов (вып. 1–6), Российская АН. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1975–2000. ЭСРЯ – Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка / Г.П. Цыганенко. – К.: Рад. школа, 1970. – 598 с.
-